

**СПЕЦНАЗ
ВДВ**

Сергей ЗВЕРЕВ

**МИР ВЗДРОГНЕТ
ОТ НАШЕГО ГНЕВА**

Сергей Иванович Зверев
Мир вздрогнет от нашего гнева
Серия «Спецназ ВДВ»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=658425

Зверев С. И. Мир вздрогнет от нашего гнева: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-50801-3

Аннотация

На индонезийской авиабазе случилось ЧП. Погибли трое инженеров из группы российских специалистов, собирающих здесь закупленные у России самолеты. Местные власти приходят к заключению, что инженеры отравились метиловым спиртом. Но русские не верят им: погибшие никогда не злоупотребляли спиртным, тем более таким... Российская сторона предполагает злой умысел, так как рост влияния России в этом регионе крайне невыгоден и США, и Китаю. Чтобы найти преступников, на базу инкогнито вылетает майор спецназа ВДВ Андрей Лавров – легендарный Батяня...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	26
Глава 2	45
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Сергей Зверев

Мир вздрогнет от нашего гнева

Пролог

На базе ВВС индонезийских вооруженных сил «Султан Хасануддин», расположенной у города Макаassar на южной оконечности острова Сулавеси, шла обычная, плановая работа. Из грузового отсека прибывшего сюда пару часов назад транспортного сто двадцать четвертого «Ана» техники вручную выкатывали бескрылое «туловище» двадцать седьмой «Сушки» модификации СКМ. Толпа людей в желтых и оранжевых безрукавках, упираясь руками в фюзеляж истребителя и разногласно повторяя: «А ну-ка, – взяли! А ну-ка, – дружно!...», плавно катила машину, призванную в недалеком будущем стремительным полетом пронзать небесную синеву этой экваториальной страны.

Когда из чрева огромного транспортного самолета выкатилось нечто продолговатое, с зачехленными зеленой клеенкой соплами мощных турбин и плоским «носом», укрытым оранжевым пластиковым колпаком, этот процесс стал чем-то напоминать роды живого существа. Скоро, очень скоро на

«новорожденном» корпусе закрепят крылья, установят все недостающие механизмы, отладят иотрегулируют взаимодействие систем управления самолета, протестируют и проведут стендовые испытания. И тогда еще одно крылатое творение рук человеческих взмлет в небо...

Но это будет минимум недели через полторы. А пока спущенный по аппарели «Ана» фюзеляж истребителя медленно катился по аэродрому за угловатым белым тягачом в сборочный цех авиабазы. Среди рядовых рабочих и техников, явно индонезийской внешности, выделялись около десятка лиц, типичных для средней полосы России. Впрочем, что в этом удивительного? Раз самолет, доставленный в Индонезию, произведен в России, кому же его собирать, как не самими россиянам?

Бригада инженеров, техников и летчиков-испытателей прибыла из Комсомольска-на-Амуре в Макаassar в первых числах сентября. Обосновавшись в общежитии, расположенном на территории авиабазы, и по-ударному быстро, но вместе с тем качественно подготовив к работе все необходимое оборудование, инструментарий, помещение сборочного цеха, остаток времени гости из России посвятили знакомству с городом и его окрестностями. Индонезийцы, в том числе и те, что работали на авиабазе, будучи очень общительными людьми (в отдельных случаях даже чрезмерно), охотно показывали достопримечательности своего города, основанного еще в Средневековье.

Расхаживая под нестерпимо палящими лучами экваториального солнца по Макассару, равному по численности населения крупному российскому областному центру, гости столицы южного Сулавеси осмотрели старинные, возведенные еще голландцами, постройки. Уделили внимание и современным зданиям, выстроенным в западном стиле, которые располагались в деловом центре, неподалеку от отеля «Хорайзон Макассар» и правительственного дворца. На берегу макассарской бухты заглянули в оборонительный форт с громким названием Роттердам, где находился музей всевозможной старины – и колониально-голландской, и времен нашествия арабов, принесших ислам в индуистско-буддистскую Индонезию. Здесь хранились монеты, керамика, музыкальные инструменты, национальные костюмы и многое другое.

В окрестностях Макассара особый интерес вызвали дворец и гробница Гованских королей. Ну, а самые дотошные и любознательные побывали у здешних водопадов, заглянули в пещеры с древними наскальными рисунками, посмотрели на колонию летучих лисиц – гипертрофированных летучих мышей с внушительным размахом кожистых крыльев, и посетили ферму бабочек...

А потом, когда через пару дней из далекой России на знойный Сулавеси прибыл транспортный самолет, стало не до туристических прогулок – о них сразу же пришлось забыть. Сроки сборки – причем очень качественной, скрупу-

лезной, со щепетильным соблюдением малейших мелочей, — были очень сжатые. Как стало известно, руководство вооруженными силами Индонезии решило сделать своей стране подарок в виде авиационного парада в начале октября, в день годовщины создания национальной армии.

После дотошной сверки комплектующих частей и деталей, упакованных в множество ящиков — и коротких, и длинных, и узких, и широких, с их списком и техническими паспортами, инженеры и техники провели короткое совещание со своими индонезийскими коллегами. Обсудив сроки полной готовности этого, уже девятого по счету, истребителя, приобретенного Индонезией у России, специалисты пришли к общему выводу, что без сверхурочных часов работы обойтись не удастся, дабы избежать штурмовщины, что могло сказаться на качестве сборки. По предложению Валентина Подгорина, старшего российской группы инженеров и техников, завтрашняя суббота была рабочей, но — по обычному графику. В воскресенье решили сделать выходной. А вот с понедельника следовало «упереться рогами по полной», от зари до зари, чтобы к концу недели основной объем сборочных работ был уже выполнен.

Уложив вынесенные на руках из грузового отсека «Ана» ящики с комплектующими на платформу автокара, рабочие, под руководством техников, перевезли их в сборочный ангар, где тут же началась сортировка груза. То, что предполагалось установить в первую очередь, распаковывалось и под-

готовавливалось к монтажу. Все второстепенное отгружалось на стеллажи, по соседству со сборочной площадкой.

Тропический день – не чета летнему дню северных широт, безгранично длинному, начинающемуся еще тогда, когда в тропиках непроглядная темень, и заканчивающемуся до неприличия поздно. В экваториальной зоне, где понятия лета и зимы сугубо условны, день круглогодично имеет стандартную, двенадцатичасовую продолжительность, начинаясь без долгого утреннего разбега и столь же стремительно заканчиваясь около шести пополудни.

Эта пятница ничем не отличалась от всех предыдущих. Когда в восьмом часу усталые техники вышли из ярко освещенного ангара на летное поле, на небе уже светили по-южному крупные, разноцветные звезды. Одни – загадочно-холодные, мерцающие голубоватым цветом, другие – теплые, желтовато-оранжевого оттенка... Привычную глазу северянина Большую Медведицу, с ее извечной спутницей – Малой, искать тут бесполезно. Здесь другие созвездия, с признанным королем южного полушария – Южным Крестом.

Ловя лицом струи ставшего прохладным ночного ветерка и о чем-то оживленно судача, россияне шли на ужин в небольшую столовую при общежитии, напоминавшем своей формой те, которые в России некогда именовались бараками. Впрочем, в отличие от угрюмых неказистых деревянных сооружений, этот «барак» выглядел весьма современно и цивилизованно – внешние стены отделаны голубым пластиком,

несколько кондиционеров, крыша из синей и белой металло-черепицы, покрытая атмосфероустойчивым пластиком.

Да и внутри обстановка была как в довольно приличной гостинице: отменного качества мебель, телевизоры, холодильники...

Когда российские техники входили в столовую, Валентина Подгорина догнал заместитель начальника авиабазы, заведующий ее хозяйственной частью, крепкий смуглолицый бодрячок Раджа Пантоу. Смешивая английские и русские слова, Раджа сообщил, что завтра вечером в расположенном не слишком далеко от авиабазы кафе с английским названием «Трипл форчун», что означало «Тройная удача», состоится традиционный «вечер дружбы», в котором участвуют прежде всего выходцы из Европы и Северной Америки.

Организовывать такие вечера начала жена хозяина, голландка по происхождению, которая лет десять назад приехала сюда изучать тропических насекомых, да так здесь и осталась, выйдя замуж за индонезийца. Испытывая ностальгию по далекой родине, она решила каждую субботу посвящать встречам проживающих в Макассаре европейцев и американцев, а заодно и туристов, которым слегка поднадоела южная экзотика.

Как уверял Раджа Пантоу, о прибытии на Сулавеси русских авиатехников в Макассаре слышаны уже многие. Поэтому занесенные сюда волей судьбы русскоязычные граждане бывшего Союза, в числе которых встречались и кавказцы,

и среднеазиаты, и украинцы, и белорусы, были бы не против встретиться с теми, кто нес в себе дух далекой родины. Более того, именно эта суббота посвящалась России и русской кухне.

– Иф юу нэ протива гоу ин дзэ кафе, – на русско-английской смеси втолковывал он, – юу мей кам к эйт часы вэтчер...

Пообещав подумать, Валентин во время ужина сообщил своей бригаде о завтрашних посиделках в здешнем кафе. И если кое-кто сразу же засомневался – стоит ли туда идти, то большинство, включая летчиков, высказалось «за».

Вся суббота прошла под знаком предстоящего мероприятия. Его горячо обсуждали, распаковывая ящики, начав предварительную подгонку к фюзеляжу плоскостей крыльев, тестируя аккумуляторы и генераторы питания, а к концу рабочего дня пойти в кафе настроились даже категоричные противники «культпохода».

Ровно в семь тридцать пять по местному времени бригада российских летчиков, инженеров и техников в полном составе загрузилась в предоставленный Раджем Пантоу служебный автобус, а уже в восемь выгрузилась на ярко освещенной улице у призывно сияющего неоновыми огнями кафе современной европейской архитектуры со стеклянным вестибюлем, большими окнами, из которых доносилась – надо же! – песня в исполнении какой-то российской рок-группы. Самые молодые тут же заметили маячившие в тени пальм вызывающе разодетые женские фигуры, но заранее предупре-

жденные Валентином, что «дурака валять – ни-ни!», мужественно проигнорировали самых настырных красоток, хватавших их за рукава:

– Сэр, тэйк ми! Тэйк ми! Тванты долло...

Появление бригады россиян в кафе, уже довольно плотно заполненном весьма разношерстной публикой с преобладанием европейских лиц, было встречено дружным хором приветственных междометий. Чуть смущенно раскланявшись, авиатехники расселись за специально выделенными для них тремя столиками и наконец-то смогли оглядеться.

Интерьер кафе типично европейского стиля, разбавленный деталями местной экзотики, был дополнен и некоторыми элементами, напоминающими о России, – на одной из стен висели репродукции картин русских художников, среди которых выделялись «Утро в сосновом лесу» Шишкина, «Девятый вал» Айвазовского и «Бурлаки на Волге» Репина. Последняя вызвала оживление среди авиатехников, увидевших в бурлаках некое подобие самих себя.

В программе вечера предусматривалось выступление некоего «шансонье Макса», заезжей российской «знаменитости», конкурс бардовского искусства для тех из посетителей, кто считал себя бардом, и состязание на скорость поедания гамбургеров. Кроме того, намечалось выступление местного фокусника, а также исполнителя народных песен с аккомпанементом на ребабе.

Сделав заказ официантке в строгом одеянии, – все же Ин-

донезия мусульманская страна, — к счастью, немного владеющей английским, авиатехники с огорчением обнаружили, что халяльные принципы ислама распространяются и на здешнее общепитовское меню. В нем не нашлось ничего спиртосодержащего, в том числе и пива. Впрочем, чуть позже Валентину удалось раздобыть у некоего торговца контрабандным товаром по паре банок пива на каждого из членов бригады. Индонезийский «бутлегер» сам пробрался к столикам русских и, незаметно показав из-под полы средней величины алюминиевую банку пива, тихо уведомил на ломаном английском:

— Ту долло... — Что означало «два доллара» за банку.

Быстренько скинувшись, авиатехники заказали доброхоту от контрабандного ремесла двадцать с лишним банок, и моментально под их столиками оказались три наполненных банками пакета. Теперь пребывание в кафе стало куда более приятным и радующим душу.

Вскоре началась и намеченная программа. Хозяйка кафе, большей частью по-английски, но ухитрившись вставить и несколько русских слов, поприветствовала гостей и объявила выход «шансонье Макса».

На небольшой эстраде появился длинноволосый молодой человек субтильного телосложения с гитарой на ремне. Вопреки опасениям авиатехников, он оказался вполне одаренным исполнителем, спев несколько песен на русском и английском языках.

Затем начался конкурс бардовского мастерства. Под гитару и даже без музыкального сопровождения соискатели вокальных лавров с той или иной степенью одаренности (или, напротив, бездарности) пели с эстрады, каждый на своем языке. Почувяв в себе после незаметно опорожненной банки пива тягу к прекрасному, на эстраду вышел и один из авиатехников, бывший ВВСник Алексей Камовой. Выпросив у одного из местных «бардов» гитару, он немного подкрутил колки, после чего в индонезийском кафе зазвучало нечто невероятное – типичный «дембельский хит на все времена»:

«Покидают чужие края дембеля, дембеля, дембеля... И куда ни взгляни, в эти майские дни всюду пьяные бродят они!...»

Пел Алексей задушевно, с некоторым даже надрывом, чистым, звучным тенором. И хотя большинство слушателей вообще не поняло, о чем эта песня, аплодисменты Камовой сорвал чуть ли не самые громкие.

После конкурсного «гамбургеропожирания», в котором россияне участвовать не рискнули, состоялось выступление фокусника. Тот глотал горящие предметы и извлекал из рукава то живую птичку, то полный до краев стакан воды и иную всякую всячину. Ну, а «под занавес» на эстраде появился пожилой индонезиец, который, водя смычком по двуструнному инструменту с гортанным, загадочным звуком, исполнил что-то патетически-эпическое.

Часов около одиннадцати, когда бригада снова загрузи-

лась в автобус, Валентин внезапно обнаружил, что двоих членов бригады не хватает. На погрузку не пришли все тот же Камовой и Юрий Зызин. Вернувшись в кафе и не найдя там ни того, ни другого, Подгорин заподозрил, что те могли самовольно сорваться куда-нибудь за спиртным. Но, по словам одного из авиатехников – Николая Рогова, выходя из кафе, он заметил две тени, мелькнувшие в сторону красоток, подпиравших пальмы, хотя и подумать не мог, что это Леха с Юркой...

Матерно выругавшись, Валентин попросил шофера везти их на авиабазу. Всю дорогу он ворчал себе под нос, что таких несерьезных разгильдяев, как Леха с Юркой, нельзя не то что пускать в Индонезию, а даже у себя в Комсомольске надо водить на работу под конвоем.

– Блин горелый! Случись чего с этими двумя охламонами, что я их матерям и женам скажу?

Но, как видно, не судьба была Юрию и Алексею бесследно сгинуть на чужбине. К утру они обнаружили в своих комнатах, чрезвычайно усталые и довольные жизнью. Вызвав их в коридор, Валентин отчехвостил обоих за самостоятельность, напомнив, что они не у себя на Амуре, а в чужой стране, где можно исчезнуть как иголка в стоге сена.

– Вы чем оба думали, когда «снимали» здешних проституток? Вы в своем уме? – сурово внушал он обоим провинившимся. – Мало того, что подхватите какую-нибудь заразу, так еще и дипломатический скандал может вспыхнуть.

Здесь «это дело» считается прелюбодеянием, которое называется тюремным сроком. Дошло?

– Валентин Романович, мы вообще в какое время живем? – язвительным тоном поинтересовался Зызин и, немного помолчав, неожиданно взорвался: – Помню, пацаном был – всем заправляли парткомы, месткомы, райкомы, обкомы... Как в песне у Высоцкого про поездку за границу. Сейчас вроде другое время, а все так и осталось. Я что, ребенок, чтобы меня водили за ручку? Я – взрослый человек и за себя отвечаю сам.

– Да, ты – взрослый человек, но рассуждаешь, как сопливый пацан, – укоризненно покачал головой Подгорин. – Если бы ты сюда приехал как турист, тогда мог бы рассуждать именно так. Но ты представляешь авиационное предприятие, которое заключило крупный контракт и – кровь из носу – обязано его выполнить. А ты знаешь, сколько конкурентов спит и видит, чтобы мы тут обделались со своими поставками, и, чтобы их сорвать, они могут пойти на все, что угодно? Если бы с вами что-то случилось, намеченные сроки пошли бы к чертям собачьим, и кто тогда захочет иметь с нами дело? Что, забыли времена, когда завод месяцами простаивал в ожидании заказов?

– Валентин Романович, – хмуро заговорил Камовой, – я хорошо тебя понимаю и полностью с тобой согласен. Но, если честно, лично я ехать сюда не хотел. А мне сказали: надо, Леха, надо! Вот и поехал. И теперь мне тут торчать целый

год без нормальной человеческой жизни?.. Да я через месяц сдохну! Что я могу поделаться, если прошла всего неделя, а у меня уже все из рук валится?! Ну, не гожусь я для монастырской жизни, не гожусь! Кстати, заразой пугать меня не стоит – на этот случай резиной запасся.

– Кстати, Валентин Романович, а вот то, что мы вчера пили пиво, – это ведь по местным меркам тоже преступление, – авторитетно уведомил Юрий. – И тоже, если бы попались, вышел бы громкий скандал. Обошлось же? Что же касается женщин... Собственно, на Леху-то чего наезжать? Он в разводе, человек свободный. А моя, когда собирался, сама купила «предохранителей» целую сумку. Все равно, говорит, год не выдержишь, а так хоть заразу тропическую с собой не привезешь.

– Парни! – устало вздохнул Подгорин. – Я вас в монахи не записываю. Вон, и здесь, на базе, работают женщины. Знакомьтесь, встречайтесь... Но чтобы мы знали, кто куда делся. А не так, как вчера, камень в воду – бульк! – и ищи его. Хоть это-то доходит? Слава богу, все обошлось. Но ведь могло быть совсем иначе!

...Увы, Подгорин ошибся. Беда нагрянула с той стороны, откуда никто не ожидал. После вчерашних посиделок в кафе большинство авиатехников чувствовало себя вполне сносно. Кроме нескольких.

Проснувшись утром, Андрей Дальнов решил никуда не ходить, а как следует отлежаться в своей комнате. Заглянув-

шему к нему Подгорину, который обеспокоился тем, что тот не появился в столовой на завтраке, Андрей пояснил, что после вчерашнего не испытывает никакой тяги к еде, и посоветовал на то, что пиво оказалось слишком крепким – он до сих пор чувствовал себя «под градусом». Это очень удивило Валентина – лично он еще вчера забыл про выпитое. А уж сегодня утром...

– Ты, часом, не приболел? – заволновался он. – Ведь когда болеешь, тоже так бывает – как с перепоею... Может, к врачу сходишь?

– Да, нормально все будет, Романыч, – отмахнулся Дальнов. – Сегодня отлежусь, а утром буду как огурчик.

– Ну, смотри... – с сомнением пожал плечами Подгорин. – Если что – обращайся.

Андрей лег в постель, надеясь уснуть и проснуться совершенно здоровым. Вроде бы ему это удалось, во всяком случае, когда в его комнату после обеда заглянул Валентин, Дальнов лежал на кровати и относительно спокойно спал. «Относительно» потому, что полностью спокойным его сон назвать было никак нельзя. Он то подергивал свесившейся с кровати рукой, то постанывал, то беспокойно вздрагивал всем телом. Некоторое время понаблюдав за Андреем, Подгорин медленно закрыл дверь и направился к себе, даже не подозревая, что видит того живым в последний раз.

А Дальнов, уже под вечер вырвавшись из тягостного забытья, вдруг ощутил страшную слабость и дикую резь в жи-

воте, будто бы наелся толченого стекла, и оно своими острыми гранями врезалось в его внутренности. Он попытался подняться с кровати, но сил на это не было. Не было сил и на то, чтобы позвать на помощь... Да и как звать, если рот и гортань пересохли, и он мог издавать только слабое сипение?

Андрей слабо ворочался на кровати, страшно жалея о том, что не согласился сходить к врачу. Это только в далекой молодости думалось, что в пятьдесят жизнь уже опостылеет и умирать совсем не страшно. Если бы! Жить хочется всегда, и уйти из жизни в какие-то пятьдесят безумно обидно – какие это годы?! Мысль о том, что, возможно, это последний день его жизни, придала сил, и, преодолевая слабость, Дальнов свалился на пол. Как ему хотелось, чтобы в этот момент кто-то заглянул к нему в комнату! Но никого не было...

Он попытался подползти к порогу, но внезапно его тело содрогнулось от непроизвольных, не зависящих от его воли и желания конвульсий, отозвавшихся во внутренностях адской болью. Скорчившись на полу, Андрей, вопреки всякой логике, покатился назад, к кровати. Его раздражал яркий свет лампы, бьющий из-под потолка. И почему-то вдруг захотелось туда, где тихо, уютно и темно. Краем сознания понимая, что у него начались нарушения психики и нервной деятельности, он, тем не менее, последним усилием, сам не зная для чего, забрался под кровать.

И впрямь как будто стало легче. И тут... тело Андрея само по себе забилося в ужасающих корчах, и он вдруг понял: это

– конец... Сознание окончательно помутилось и в какое-то неуловимое мгновение погасло совсем.

...Утром, не увидев в столовой Андрея, Валентин почувствовал, что дело неладно. Почему-то опаздывал на завтрак и Дмитрий Линёв. Прибежав в общежитие, Подгорин первым делом направился в комнату Дальнова. Открыв дверь, он некоторое время с удивлением взирал на скомканную постель, сброшенную на пол подушку, опрокинутый торшер. Андрея в комнате видно не было. Заметив, что кровать почему-то отодвинута от стенки и стоит немного наискосок, он на всякий случай заглянул под нее и... не смог поверить своим глазам – там, выгнувшись назад, лежал Дальнов. Пальцы его рук были судорожно скрючены, на лице застыла гримаса невыразимой муки. Дотронувшись до его запястья, Валентин невольно отдернул руку назад – оно было ледяным. Дальнов умер! Оглядевшись по сторонам, Подгорин заметил стоящие в другом конце комнаты на полу две частично опорожненные пластиковые бутылки с какой-то жидкостью. Открутив пробки и понюхав, он ощутил запах спирта.

Судя по этим емкостям, можно было предположить, что Андрей, которому показалось мало выпитого пива, раздобыл из каптерки индонезийских авиатехников технический спирт. Однако подобное не укладывалось ни в какие рамки! Во-первых, Подгорин знал Дальнова как человека здравомыслящего и не склонного к спонтанному, вульгарному пьянству. Да, тот мог выпить, но лишь в компании, по слу-

чаю, и не то, что подвернулось под руку.

Во-вторых, как человек грамотный, Андрей не мог не знать, что технический спирт содержит метил, даже в малых дозах смертельно опасный. Вряд ли он вот так, «от фонаря», взял невесть какую хрень и влил ее в себя. И, в-третьих, для того, чтобы раздобыть технический спирт, нужно было взломать каптерку, а из их бригады едва ли кто мог пойти на такую дурость. Тогда откуда взялись эти бутылки?

Расстроенный Подгорин поспешил в комнату Дмитрия Линёва. Тот лежал на кровати с перекошенным от боли лицом и, стиснув зубы и держась за живот, с мученическим видом смотрел в потолок. Припомнив, что в клинической фазе отравления метилом человек теряет зрение, Валентин наклонился над Линёвым и, глядя ему в лицо, встревоженно спросил:

– Ты меня видишь?

Издав стон, тот чуть заметно кивнул. Зрение было в норме! Тогда что же произошло с людьми? Но гадать было некогда. Связавшись с командованием авиабазы по телефону, Валентин, частично по-русски, частично по-английски, сообщил о том, что один из техников по непонятным причинам умер, а еще один находится в тяжелом состоянии.

Вскоре прибыла машина «Скорой», вслед за которой пожаловали полицейские. Выслушав через переводчика пояснения Подгорина, местные «пинкертон» приступили к делу. В комнате Дальнова они первым делом обратили внима-

ние на бутылки, забрав их с собой для экспертизы. Тело Андрея увезла машина, прибывшая из морга. Как пояснили через переводчика медики, требуется вскрытие, чтобы точно установить причину смерти.

Полицейские, обошедшие по периметру «барак», неожиданно обнаружили под одним из кустов более десятка пивных бутылок, взявшихся там неведь откуда. Один из них, заполнявший бумаги, безапелляционно заявил, что, скорее всего, смерть наступила от неумеренного употребления русскими спиртного, в том числе и ядовитого метилового спирта.

Подгорин выразил резкое несогласие – пусть случившееся с авиатехниками и похоже на отравление метилом, почему же тогда отправленный в больницу техник не ослеп? Однако полицейский чин, судя по всему, считая себя большим знатоком как русских, так и весьма узкой научной дисциплины, именуемой «токсикология», этот демарш проигнорировал.

На работу в сборочный ангар этим утром бригада отправилась с небольшим опозданием. Все были ошеломлены случившимся и выглядели подавленными. Теперь каждый гадал, не приключится ли нечто подобное и с ним? Обернувшись к Комовому и Зызину, Валентин строго поинтересовался:

– Ну что, уже убедились, что здесь не санаторий «Тихие зори», а территория, где можно нарваться на нечто очень хреновое?

– Убедились... – тяжело вздохнув, ответил за обоих Юрий.

– Мужики, тут вот какое дело... – неожиданно заговорил обычно молчаливый Федор Гринчев. – Наверное, нам лучше никому не говорить о том, что в субботу были в кафе. Фишка тут в чем? Идти туда или не идти – решал каждый сам за себя. А вот шишки, если все это вылезет, достанутся одному Романычу. Так что давайте не будем его подставлять.

– Да, это факт! – согласился Николай Рогов. – У нас любят «делать соответствующие выводы» и «принимать меры».

Остальные тоже согласились с Гринчевым. Лишь сам Подгорин сокрушенно покачал головой.

– Спасибо, конечно, за поддержку. Но... Уж если захотят сжевать – ничего не поможет, – грустно усмехнулся он.

Когда автобус подъезжал к ангару, неожиданно застонав, за живот схватился Георгий Вольцев.

– Мать его так! – покрутив головой, выдохнул он. – Гляди-ка, и меня прихватило. Да что ж за напасть такая?

– Георгий Павлович, а ты, часом, ничего «такого» не употреблял? – не на шутку встревожился Валентин. – Точно не пил технического спирта? А то в комнате у Андрея сразу две початые бутылки видел...

– Да что ж я, совсем, что ли, идиот? – отмахнулся Вольцев. – Вот, только то, что ели и пили в кафе и здесь в столовой и что лежит в холодильнике.

– Ну, давай не будем тогда рисковать. Сейчас скажу во-

диле, чтобы отвез тебя в госпиталь, – решительно заключил Подгорин.

Объяснив водителю-индонезийцу, что от него требуется, вслед за бригадой авиатехников Валентин направился к ангару, а автобус, хлопнув дверями, тут же умчался к выходу с авиабазы.

Авиатехники и уже дожидавшиеся их местные сотрудники продолжили работу, начатую на прошлой неделе. Появившийся в ангаре заместитель начальника авиабазы по руководству персоналом поинтересовался у Подгорина, почему сегодня работа началась с опозданием. Тот ответил, что у них произошло непонятное ЧП, которое нуждается в самом тщательном расследовании. Узнав о смерти одного из авиатехников, индонезиец некоторое время озадаченно молчал, после чего куда-то быстро исчез.

А через час стало известно, что умер и Дмитрий Линеv, еще по пути в госпиталь. Эта новость, по сути, всех без исключения выбила из колеи. Оставив работу, авиатехники заговорили о том, что случившееся запросто может быть чьей-то хитро организованной диверсией. Кое-кто даже высказался за то, чтобы «послать к черту гребаную Индонезию и, пока всех тут как клопов не переморили, поскорее сваливать домой».

– Мужики, мне так думается, нас к этому и подвигают... – выслушав мнения членов бригады, сдержанно заключил Подгорин. – Конечно, каждый за себя решает сам, но я

считаю, что мы должны остаться. Ребята, вы же прекрасно понимаете, что фактически война продолжается. Думаете, если америкосы начали нам в друзья набиваться, так сразу все и кончилось? Не-е-е-т! Все осталось, как и было, только делается похитрее да поподлее. В общем, как знаете, а я пошел к самолету...

Еще немного помитинговав, авиатехники вновь приступили к сборке. Вскоре в воротах ангара показался Вольцев. Его появление всех очень удивило.

– Палыч, тебя что, эти лекари хреновы принять не захотели? – выглянув из-за хвоста самолета, спросил Валентин.

– Проверили, сказали, что ничего серьезного, – пожимая плечами, сообщил тот. – И, что интересно, все пытались убедить меня в том, что я пил технический спирт. Мол, знаем мы вас, русских... Так и не смог доказать, что этой хрени и в глаза не видел. Ладно, пока поработаем, а там видно будет...

Но поработать он смог всего лишь полчаса. Внезапно у него начались рези в животе, усилилась и без того не стихавшая головная боль, появилась тошнота. Сев на пустой упаковочный ящик, Вольцев, сжавшись в комок, зажмурился и замотал головой. Заметив это, к нему быстро подошел Подгорин.

– Слушай, Палыч, я сейчас вызову «Скорую» и накажу этим засранцам, чтобы лечили как следует, а не отпихивались от больных. Кстати, ребята, у всех все нормально? А то нам, блин, и этих двоих, что уже преставились, более чем

достаточно!

Тут же с жалобами на головную боль откликнулись еще двое – Сорокин и Лиховец. Вскоре на территорию авиабазы вновь примчалась машина «Скорой». Подойдя к старшему медику, Валентин что-то внушительно объяснил ему, кивая куда-то на северо-запад, в сторону Джакарты, скорее всего, грозя тем, что обратится лично к президенту Юдхойно. В российское посольство о случившемся Подгорин сообщил еще раньше, когда только нашел умершего Дальнова.

Остаток дня прошел в напряженном ожидании. Все очень надеялись, что смертей больше не будет. Однако эти надежды не оправдались. Ближе к полуночи скончался Вольцев. Как рассказали позже Сорокин и Лиховец, мучился он страшно, но местные медики так и не смогли понять, что же с ним происходит. У тех на все была универсальная отговорка: это следствие употребления метилового спирта. Впрочем, заболевших, как смог понять бывший армейский санитаринструктор Лиховец, лечили вовсе не от метила конкретно, а проводили общие антидотные процедуры, нацеленные на вывод из организма токсинов любого свойства, и вводили препараты, поддерживающие дыхание и сердцебиение...

Глава 1

Майор спецназа Андрей Лавров, известный в рядах ВДВ как Батяня, вместо привычных занятий со своими подопечными в классах и на полигонах дико сачковал. Именно так, с точки зрения завязтого трудоголика, можно было бы оценить его пребывание в одном из черноморских санаториев. Он воспринимал как непростительное ничегонеделанье поздний подъем, оздоровительные процедуры, экскурсии по всяким живописным местам, купание в море, участие в каких-то аттракционах и викторинах... Привыкший постоянно чем-то заниматься, первые пару дней Лавров вообще пребывал в каком-то перманентном шоке: как можно столь беспечно транжирить драгоценное время своей жизни?!

Чаще всего он принимал участие в каких-нибудь конкурсах эрудитов, шахматных турнирах и аттракционах, требующих силы и ловкости, избегая классического бега в мешках, переноса куриных яиц в ложке, зажатой зубами, и тому подобных «шедевров» санаторной развлекухи. Но прежде всего его к себе манило море. Он мог часами не вылезать из воды, все еще по-летнему теплой, несмотря на сентябрь. Аномально жаркое лето заметно сдвинуло границы «бархатного сезона», поэтому санаторий был полон отдыхающих.

Андрей никак не предполагал, что в этом году ему наконец-то удастся отдохнуть, как и всем обычным людям, кто

хоть иногда имеет возможность съездить «на юга». Вообще-то был вариант с санаторием у Волги, где он уже раза два отдыхал. Но август ушел на учения в рамках ОДКБ, потом нужно было заняться подготовкой материальной части батальона к осени и зиме, потом...

Потом, в первых числах сентября, к ним на базу приехал генерал Федин и без каких-либо предисловий объявил:

– Едешь на Черное море. Вот санаторная путевка на две недели. Заметь – «горящая»! Отбыть должен прямо сегодня.

Никаких возражений Андрея он и слышать не пожелал. И этим же вечером Лавров на «Як-42» улетел курсом «зюйд», глядя в окно на проплывающие внизу синие жилки рек, зелень лугов и лесов, желтовато-сероватые квадратики уже скошенных полей. Потом на такси за полчаса добрался до высящегося среди зелени красивого белого здания, окруженного изгородью из фигурного литья, скорее всего, еще довоенной работы.

Войдя в вестибюль и разыскав администратора – средних лет даму с типично «администраторским» лицом, он в течение считанных минут был оформлен и отправился на второй этаж в двухместную палату номер тринадцать. Именно там Андрей столкнулся с тем, что позже вспоминал со смешанным чувством приятности и неловкости...

Постучав в дверь, – ему уже сказали, что его сосед по палате заселился еще вчера, – он услышал громкое:

– Секундочку!

Щелкнул врезной замок, и Лавров увидел перед собой нехилого мужчину в пижаме, где-то под сорок. Тот выглядел таким взмыленным, словно на нем только что возили дрова.

– Вы – мой сосед? – чуть конфузливо улыбнулся мужчина. – Прошу извинить, но не могли бы вы подождать вон там пару минут? – И он указал на окно в конце коридора.

– Да не вопрос... – уже догадываясь, что там за заморочки, пожал плечами Андрей.

Стоя у окна, он увидел в его отражении, как сзади открылась дверь с номером тринадцать, и из палаты вышла молодая симпатичная женщина в легком цветастом халатике. Она окинула его любопытным взглядом и зашагала по коридору. Тут же в дверях показался тот же мужчина и заговорщицки позвал:

– Заходите!

Сосед по палате, назвавшийся Николаем Глебовым, оказался геологом, который в этой санатории отдыхал уже не раз. Почти сразу же перейдя на «ты», новые знакомые вкратце обменялись биографическими данными, включая род занятий и семейное положение. Как и Лавров, Николай оказался хроническим холостяком. И если Андрей, несмотря ни на что, мечтал однажды найти свою единственную и неповторимую, то Глебов уже давно и думать забыл о таком явлении, как семья.

– ...А какая у меня может быть семья? – заложив руки за голову, размышлял он вслух. – Я же полевик, все время

в разъездах, в командировках... Месяцами иногда в таких местах бываю, что там человека на сотню верст не найти. Ну, а уж как отпуск – сразу еду сюда, за весь год «оттягиваюсь». А что? Море, фрукты, красивые женщины... Ты, кстати, к дамам как относишься?

– Обыкновенно... – глядя в потолок, пожал плечами Лавров.

– Вообще-то, надо тебе сказать, – приподнявшись на кровати и, подперев голову рукой, заговорил с хитрой улыбочкой змия-искусителя Николай, – из всех тутошних лечебных процедур наиболее полезной считаю «кустотерапию». Слышал о такой? Так вот, знаешь, почему здесь столько молодых дамочек в самом соку? Думаешь, они сюда едут здоровье поправлять? Фигушки! Мужиков снимать едут.

– Ну, это я уже понял... – усмехнувшись, посмотрел в его сторону Андрей.

– Это ты про Ниночку, которая здесь только что была? Ну, да... А что? Она замужем, муж – бизнесмен, который из-за своей погони за капиталами совершенно не имеет времени на то, чтобы оказывать ей достойное внимание. Их тут шестеро или даже семеро таких. Это только те, о ком я уже знаю. А сколько их, «пылящихся» в неизвестности? Все они – завязтые «секс-туристки». Но если некоторые гонят в Турцию, Египет, на Бали, то эти предпочитают брать свое здесь.

– Хм... Ну и дай им Бог здоровья в этом нелегком деле, – с некоторой долей иронии откликнулся Лавров.

– А ты что, решил на эти две недели записаться в монахи? – недоуменно хмыкнул Глебов.

– Да знаешь... – Андрей замолчал, подбирая слова. – Ну, я же не колхозный бык-производитель, должно быть что-то и в душе, если с кем-то складывается. Если просто, скажем так, «с бодуна», ложиться в постель, это уже какая-то примитивная случка получается. Нет, Коль... Наверное, это не для меня.

– Когда-то я думал так же, пока не провел первое лето на югах. И – все... Это заты-а-а-гивает. Как в зыбуне – провалился, и назад дороги уже нет. Потом я и задумываться перестал – нравственно, безнравственно... Приезжал сюда и честно отрабатывал месяц на постельном поприще, потому что знал: уеду в тайгу – там такого раздолья уже не будет...

...Весь следующий день Андрей постигал тонкости и детали санаторного быта. С утра пришлось пройти полный медосмотр, а затем он побывал в массажном кабинете, где мощная дама, одобрительно приговаривая: «Какая мускулатура! Какой рельеф!» – своими сильными ручищами выполнила какой-то активизирующий массаж, после чего Лавров и в самом деле почувствовал, что позвоночник стал гораздо более гибким и пружинистым.

Сыграв «блиц» в шахматы и разделив в пух и прах прежнего чемпиона – дядю лет пятидесяти, приехавшего на отдых откуда-то из Заполярья, он успел сыграть и несколько партий в волейбол. При этом так лихо «глушил» мячи, что

даже сорвал аплодисменты зрителей, собравшихся поглазеть на поединок сборных первого и второго корпусов.

Уже вечером, после купания в море и заключительного пресного душа, он вошел к себе в палату, где почему-то был выключен свет. При этом в свете фонаря, падающего из окна, было видно, что Николая в палате нет – его постель аккуратно заправлена. Андрей потянулся к выключателю и тут с удивлением услышал молодой женский голос:

– Не надо, не включай.

Он ошеломленно оглянулся, присмотрелся и увидел, что на его кровати кто-то лежит, укрывшись простыней до подбородка.

– А... Вы кто, и что здесь делаете? – подойдя поближе, поинтересовался он, хотя можно было и не спрашивать – и так все яснее ясного.

– Тебя жду... Уже заждаюсь! – с лукавством в голосе откликнулась гостья. – Я – Яна. А ты, я знаю, Андрей. Ты сегодня так здорово играл в волейбол! Это было что-то!..

Лавров увидел приятной наружности особу лет тридцати, которую сегодня краем глаза заметил у волейбольной площадки. Ее роскошные волосы были разбросаны по подушке, а она, не отрываясь, смотрела на него широко раскрытыми глазами.

– Яна... Наверное, вы напрасно это все затеяли... Гм! Значит, так. Я сейчас включу свет и выйду, чтобы вы оделись. Ну, вы меня поняли...

– Я тебе совсем не нравлюсь? – В голосе Яны прозвучала растерянность, смешанная с обидой и уязвленным женским самолюбием.

– Нет, нравитесь, но... Я так не могу.

Он подошел к двери и потянулся к выключателю. И тут... Хитрой лисой в голове мелькнула вкрадчивая мысль: «А может, рискнуть? Что я теряю? Закрыть дверь и...» Что-то томительно сжалось внутри, и его рука замерла на полпути к выключателю. Он чувствовал, как в душе словно борются два человека. Один лихорадочно нашептывает: «Давай! Решайся! Давай!..» А другой возмущенно протестует: «Не смей ронять себя! Не смей!..» Несколько мгновений помедлив, он повернул защелку замка и, сбрасывая с себя одежду, решительно направился к Яне...

Вернувшийся под утро Николай, хитро ухмыльнувшись, многозначительно подмигнул.

– Ну, как тебе здешние красавицы? Кстати, судя по тому, как Яна сейчас шушукалась со своими подружками, она от тебя в полнейшем восторге. Думаю, теперь тебе до конца срока передышки не дадут.

– Коль, не надо об этом! – отмахнулся Андрей. – И так чувствую себя полным идиотом. Тупым быком, которого сводили на случку. Все! Довольно! Скажи этим красоткам, чтобы больше сюда не приходили. Договорились? – решительно заявил он и пошел умываться.

Глядя ему вслед, Николай лишь как-то неопределенно по-

жал плечами. А когда вечером Лавров вернулся в номер, то обнаружил в комнате стройную, изящную брюнетку, назвавшуюся Женей. Потом были Ия, Нина...

...Возвращаясь с пляжа, Андрей размышлял о том, что и в самом деле санаторный отдых для него обратился сплошной чередой хмельных, бредовых ночей, затягивающих, как в топкое болото.

Неожиданно он заметил на лавочке в тени большого дерева какую-то девушку, листавшую книгу. Он сам не понял, чем она вдруг привлекла его внимание, но невольно остановился. Одного взгляда на незнакомку было достаточно, чтобы все, накопившееся за эти дни в душе, разом куда-то унеслось, подхваченное порывом свежего ветерка.

Оторвавшись от книги, девушка строгим тоном сразу объявила:

– Я не знакомлюсь!

– Ну, хотя бы можете сказать, что читаете? – не в силах двинуться с места, любопытствовал Андрей.

– Омар Хайям...

– Не бойся, друг, сегодняшних невзгод, не сомневайся – время их сотрет! Минута есть – отдай ее веселью, а что потом придет – пускай придет... – понимающе кивнув, задумчиво продекламировал Лавров.

– Ого! – Девушка явно этого не ожидала. – Вы знаете Хайяма? А мне почему-то думалось, что здесь встречаются одни лишь озабоченные качки, предел которых – «Колобок» или

«Репка».

– Да нет, я не качок... Я служу в армии, майор спецназа ВДВ, а сюда попал, можно сказать, случайно, по так называемой «горящей путевке». Кстати, меня зовут Андрей.

– А меня – Галя... Я из Нижнего, работаю в детском саду и заочно учусь на факультете дошкольного воспитания. Вот, впервые приехала на море...

– Ого! Значит, почти земляки... – присаживаясь рядом с ней, констатировал Лавров. – Наша часть на Волге, только ближе к Волгограду.

Они сами не заметили, как разговор ушел куда-то очень далеко от Хайяма, санаторного отдыха, здешней погоды... Общась с Галей, Лавров вдруг почувствовал, что это именно та, которую он мечтал встретить. Они понимали друг друга с полуслова, вместе им было легко и просто. А самое главное – безумно интересно. Он даже не мог сказать, сколько они сидели на этой скамейке – минуту, час или три...

Неожиданно где-то совсем близко прозвучал мурлыкающий, женский голос:

– Андрюша, привет! Ты не забыл? Сегодня моя очередь. Жди, вечером приду...

Лавров повернул голову и увидел улыбающуюся Яну. Это было самое скверное из всего того, что в этот момент могло произойти... Боковым зрением он заметил, как сразу же ставшая отчужденной Галя отодвинулась на дальний конец скамейки, и ему стало трудно дышать. Он провел по лицу ру-

ками и, поднявшись, жестко отчеканил продолжающей улыбаться Яне:

– Ко мне больше никто не придет! Ясно?! Ни-ког-да!

Язвительная усмехнувшись и обронив пренебрежительное: «Хм!», Яна неспешно зашагала прочь.

– Простите, Галя, – боясь встретиться взглядом с девушкой, глухо произнес Андрей. – Кажется... я свалил большого дурака. Думаю, объясняться и оправдываться бесполезно. Всего доброго!

На следующий день Лавров проснулся очень рано. Сделав разминку и позанимавшись на спортплощадке, отправился к морю. Купание в морской воде ощутило прибавило жизненных сил. После завтрака и процедур он снова пошел в спортивный городок и, сидя за шахматной доской, пасуя мяч на волейбольной площадке, постоянно озирался в надежде увидеть Галю. Но той нигде не было.

Неожиданно зазвонил его телефон. Сделав очередной пас, он достал сотовый и под протестующие возгласы болельщиков и своей команды взглянул на дисплей. Звонил генерал Федин. Интуиция подсказала: это неспроста!

– Здорово, Андрей! Как отдыхается у моря? – безмятежным тоном поинтересовался тот.

– Отлично! Что, есть какие-то дела?

– Да, и очень серьезные. Извини, но придется сорваться... В общем, предстоит поездка, и очень далеко, туда, где еще жарче, чем в Сочи. Как относишься к Индийскому океану?

– Нормально отношусь. Надо – значит, поеду. Когда при-
быть в штаб?

– Чем быстрее, тем лучше... – Федин неожиданно встре-
вожился. – Слушай, а что это ты так легко согласился? Не
случилось ли чего?

– Нет, у меня все в порядке, товарищ генерал. До встре-
чи! – Андрей нажал кнопку отбоя и, уведомив свою коман-
ду о том, что вынужден ее покинуть, отправился укладывать
вещи.

Узнав, что его сосед покидает санаторий, Николай очень
огорчился.

– Андрей, ты чего это надумал отсюда сваливать? Это из-
за нее, что ли? – растерянно разводя руками, допытывался
он. – Е-мое! Да, может, день-два, и все наладится...

– Нет, Коль, девушка тут ни при чем. – Лавров вскинул
сумку на плечо. – Просто меня посылают на другой, более
далекий «курорт».

– Постой! – спохватился Глебов. – Телефон свой оставь
– вдруг на будущий год сюда приедешь? Созвонимся, встре-
тимся...

Написав на бумажке свой номер и обменявшись с Нико-
лаем рукопожатием, Андрей вышел из корпуса и зашагал по
центральной аллее в сторону ворот, за которыми виднелась
стоянка такси. Неожиданно внутри у него что-то дрогнуло –
он увидел Галю, идущую ему навстречу. Девушка тоже заме-
тила Лаврова и удивленно замедлила шаг, выжидающе глядя

в его сторону. Он понял, что этой встречи она не ожидала и не очень ей рада.

– Галя, еще раз извините за вчерашнее и не думайте обо мне хуже, чем я есть на самом деле, – приостановившись, чуть заметно улыбнулся Андрей. – Счастливо отдохнуть!

Сопровождаемый ее недоуменным взглядом, он сел в такси, и машина тут же помчалась в сторону аэропорта.

В кабинете генерала Федина Лавров увидел строгого вида высокого мужчину в штатском, лет пятидесяти или даже старше. Войдя и доложившись о прибытии, он интуитивно почувствовал, что гость Федина, скорее всего, из неких чрезвычайно «компетентных» структур.

– Проходи, присаживайся, – пригласил генерал, указав на кресло. – Позволь представить – член совета директоров Рособоронэкспорта Томилин Александр Григорьевич. Ты эти дни в санатории хоть краем глаза в телевизор заглядывал?

– Было дело... – улыбнувшись, кивнул Андрей. – Я так понял, вас интересует, слышал ли я о происшествии в Индонезии с нашими авиатехниками? Ну, об этом в курсе дела. Судя по всему, предполагается командировка именно в эти знойные края?

– Да, придется еще раз побывать в тропиках... – подтвердил Федин. – Тебе сейчас Александр Григорьевич все объяснит.

– Скажите, майор Лавров, – у Томилина был глуховатый,

но вполне внятный голос, — сами вы как считаете, наши авиатехники действительно додумались употребить технический спирт с метилом, или это, скажем так, версия, которая устроила всех?

— Думаю, наиболее вероятен второй вариант, — уверенно ответил Андрей, усаживаясь поудобнее, так как уже понял, что разговор едва ли закончится через пять минут. — Я это заподозрил, когда только появилось первое сообщение, от всей этой истории за километр несло заурядной заказухой. Ведь нам что сначала объявили? У всех троих — сердечные приступы. Чушь и бред!

— Да, как сказала героиня одного детского мультика, вместе только гриппом болеют, — сдержанно рассмеялся Федин.

— Вот именно! Потом заговорили об удушье. Ну... Это еще более-менее правдоподобно. А когда начали утверждать, что авиатехники якобы украли у местных спирт и выпили его... тут уже явно торчат чьи-то уши. Хотя нетрудно догадаться, чьи именно.

— Мы тоже предполагаем что-то подобное... — задумчиво произнес Томилин. — Людей туда посылали не абы каких, все — специалисты, знающие, что такое технические жидкости. Да что говорить! Ведь даже не всякий алкоголик кинется пить первое попавшееся, что пахнет спиртом. Тут наверняка подсустились наши «заклятые друзья». И подсустились весьма жестко. Сразу три смерти — это, согласитесь, перебор. Как ни верти, а случившееся — чистойшей воды акция устра-

шения. Вполне возможно, заказчики этой акции надеялись, что все остальные, испугавшись, запросятся домой, контракт будет сорван, и Россия вынужденно уйдет с индонезийского рынка.

– Кстати, мне думается, что дело Бута – того же поля ягода... – прищурился Лавров. – Не буду утверждать, что Бут свят и безгрешен, но уж и американцы играют очень грязно. Никогда бы не подумал, что их спецслужбы работают на уровне детской игры в «войнушку».

– Да, вы правы, особенно если учесть, что месяц назад при загадочных обстоятельствах в Москве скоростно скончался адвокат Бута. – Томилин достал носовой платок и протер им очки. – Кстати, высококлассный специалист по тайландскому законодательству. Он имел все шансы добиться его полного оправдания и освобождения. И тут же последовала оголтелая атака американцев, которые, к счастью, перехитрили самих себя. Они выдвинули столько претензий, что тайландцы были вынуждены начать новое судебное разбирательство. Но, думаю, эти вашингтонские бульдоги в любом случае от своего не отступятся...

– Вон и в Сирии не так давно якобы утонул какой-то крупный сотрудник наших разведслужб, кстати, тоже имел отношение к оборонке... – заметил Федин. – Что-то уж слишком много стало «случайностей».

– Да, сейчас много чего происходит, откровенно говоря, грязного и гнусного, – сокрушенно вздохнул Томилин. – По-

этому и было решено, якобы согласившись с версией коллективного отравления некачественным алкоголем, принять серьезные меры для негласного расследования этого происшествия, чтобы подстраховаться от подобных случаев в дальнейшем. А то ведь завтра там среди наших авиатехников может вспыхнуть какой-нибудь крокодилий грипп, или еще какая-нибудь замысловато названная чушь. Потом попробуй, докажи, что это не случайность, а хитро организованное убийство. Так что, майор Лавров, дело вот какое...

Как далее рассказал Томилин, вместе с людьми, отправляющимися на замену умершим авиатехникам, в Индонезию наши спецслужбы посылают опытного разведчика, хорошо знающего Юго-Восточную Азию. Его псевдоним – Василий Костин. Костин уже работал в Индонезии, правда, на «столичном» острове Ява, под прикрытием представителя торгово-посреднической фирмы. Василий владеет как официальным индонезийским языком Бахаса, так и несколькими островными наречиями. Теперь он едет туда как представитель Рособоронэкспорта, чтобы координировать работы по сборке поставленных самолетов, а также отслеживать потребности индонезийской стороны в тех или иных комплектующих для уже поставленной военной техники.

По словам Томилина, в третьей декаде сентября была запланирована поставка в Индонезию трех вертолетов Ми-35. А еще, кроме всего прочего, намечена работа по созданию и производству беспилотных летательных аппаратов.

– ...Как видите, кое у кого есть причины сильно занервничать, – резюмировал Александр Григорьевич. – А тут, к сожалению, Костин перенес серьезную болезнь, и ему требуется помощник – смекалистый, умный, отважный, решительный, способный найти выход из любого, даже безвыходного положения. В общем, нужен человек, – тоже своего рода уникум, – на высочайшем уровне подготовленный физически, и при всем при том интеллектual, артистичный, с развитой интуицией. Мы изучили ваш послужной список и пришли к выводу, что операция, совсем недавно проведенная вами в Сомали, свидетельствует об одном: вы именно тот, от которого будет зависеть половина успеха операции в Индонезии. Поэтому спрашиваю уже конкретно и однозначно: вы согласны?

– Согласен, – невозмутимо улыбнувшись, ответил Лавров.

– В таком случае будем говорить более предметно. – И Томилин достал из дорогого, обтянутого натуральной кожей кейса пластиковый файл с какими-то бумагами.

Это были материалы обзорного характера по ситуации с поставками наших вооружений в Индонезию, по взаимоотношениям с конкурентами, «поминальник» вероятных агентов иностранных спецслужб, которые могли быть задействованы для провокаций в отношении россиян, и в целом история военно-технического сотрудничества России с Индонезией.

– ...Костин отбывает вместе с авиатехниками в Индоне-

зию уже завтра, на транспортном «Иле», который доставит туда очередную «Сушку», – продолжил свои пояснения Томили́н. – А вы отправитесь туда своим ходом, как журналист «желтой» газеты «Мега-Фактум». Вы же уже были журналистом? Ну вот, побудете еще раз. Вам придется лететь из Москвы в Джакарту, с пересадкой в Бангкоке. Оттуда на самолете местных авиалиний доберетесь до Макассара. Официальная цель вашей командировки – подготовка рекламных материалов по заказу ряда российских турагентств, решивших более плотно поработать с южным Сулавеси. Северный Сулавеси, что называется, туристами уже истоптан, а вот южный пока остался в стороне.

Определенную сложность, как это сразу понял Лавров, представляло условие определенной автономности его работы – они с Костиным будут общаться только по телефону. О том, что они знакомы и тем более работают в одной «связке», знать не должен никто. В том числе и российские авиатехники. Помимо выполнения тех или иных поручений Костина, Лавров должен быть и его негласным сопровождающим, если у того вдруг возникнет необходимость куда-то съездить, или будет назначена встреча, сопряженная с серьезным риском.

Но в целом и сам Андрей не имел каких-либо ограничений по части сбора информации, организации и проведению встреч с нужными для этого людьми. Единственное, что он должен был строго согласовывать с Костиным, – конкрет-

ные акции, наподобие вербовки агентуры, слежки за подозрительными объектами и, как крайность при предотвращении диверсий, – физическое устранение враждебных субъектов.

Вылет намечался через сутки с небольшим – за это время для Лаврова нужно было подготовить все необходимые документы, а сам он эти недолгие часы должен потратить на изучение материалов, предоставленных ему Томилиным, порыскать в Интернете, чтобы более полно изучить Индонезию.

– Ну, что, Андрей, вам, наверное, уже сегодня придется отправиться в Москву... – развел руками Александр Григорьевич. – Я отправлюсь туда немного позже – у меня здесь еще кое-какие дела. Сейчас получите командировочные, и – вперед! Вот адрес квартиры, где будете ждать вылета, и ключ. Туда же доставим вам и новые документы. По бумагам вы теперь – Борис Лебедев. По-моему, звучит...

Пообещав, что они скоро увидятся, Томилин откланялся.

Перекусив в полковой офицерской столовой, Лавров забрал в штабе свою дорожную сумку и, выйдя за пределы КПП, направился к белой «Ауди» со служебными номерами, на которой ему предстояло ехать до Москвы. Водитель с погонами прапорщика дал газу, и машина, заурчав мотором, помчалась по шоссе.

Через пять часов они свернули в сторону Шереметьева, и вскоре Андрей уже поднимался на лифте новой девятиэтаж-

ки. Войдя в квартиру под номером триста пятьдесят девять, он задержался на пороге, внимательно осматривая свое временное жилище. Квартира была обставлена хоть и не эксклюзивной, но достаточно фасонистой мебелью, в углу, на специальном столе, стоял компьютер. Сбросив с плеча сумку, Андрей подошел к окну, открыл створки настежь и, подставив лицо ветерку, молча смотрел на угасающую вечернюю зарю, на видневшиеся вдали подмосковные пейзажи...

Глава 2

Сидя в комфортабельном кресле многоместного авиалайнера и слушая приглушенную разноязычную речь соседей по салону, на которую накладывался шум турбин, Лавров вспоминал перипетии своей недавней поездки к Черному морю. А в это время металлическая «птица» все больше и больше отдаляла его от Волги, от Москвы, от всего того, что близко и знакомо. В принципе, Андрею было не привыкать к дальним странствиям по миру. Но все равно всякий раз, улетая далеко от России, он чувствовал легкую ностальгическую грусть, от которой наверняка никогда не избавиться даже самому прожженному путешественнику, способному годами быть вдали от дома.

Позапрошлым вечером и минувшим днем он штудировал бумаги, полученные от Томилина. Из них он и в самом деле почерпнул немало интересного. В частности, узнал, что военно-техническое сотрудничество бывшего Союза и Индонезии началось еще в начале пятидесятых, когда голландская колония стала независимым государством. Советский Союз, против которого в ту пору уже вовсю велась «холодная война» НАТОвским блоком и рядом других военных блоков, которые в пятьдесят первом для контроля за Индийским океаном организовали АНЗЮС, включивший в себя Австралию и Новую Зеландию, заключил ряд соглашений с Индонезией.

Когда в пятьдесят седьмом американцы узнали, что СССР строит на территории Индонезии стратегический аэродром для своей дальней авиации, они разожгли на Суматре мятеж, подбросив сепаратистам около полусотни военных самолетов. Но индонезийская авиация уничтожила аэродром сепаратистов. В плен был взят американский летчик. Разразился дипломатический скандал, после чего Индонезия закупила в СССР самые эффективные истребители той поры – МиГ-17 и ильюшинские бомбардировщики. Впавшие в истерику американцы начали грозить Индонезии прямым военным вторжением. В ответ на это Советский Союз развернул в Индонезии несколько баз ВМФ и ВВС.

К шестьдесят пятому году индонезийская армия, получившая девятнадцатые и двадцать первые МиГи, туполевские бомбардировщики и милевские вертолеты четвертой и шестой модели, стала самой мощной в своем регионе, что позволило окончательно покончить с сепаратизмом. Но в шестьдесят пятом все так замечательно начавшееся вдруг внезапно оборвалось. С одной стороны, экономика Индонезии не выдержала собственной гонки вооружений, вызвавшей жестокий экономический кризис, а с другой, о чем почему-то умалчивают многие историки, Союзу здорово подгадили «братья навек».

Уже в ту пору одержимые идеей доминирования среди стран придуманного ими же «третьего мира», да еще и немало раздраженные успехами Союза в Индонезии, которую они

считали «своим огородом», китайцы закулисно спровоцировали мятеж маоистских группировок, нацеленный на свержение президента и правительства. По замыслу «революционных повстанцев», предполагалось создание коммунистической республики Индонезия – разумеется, под неусыпным оком Китая. Но этот мятеж заранее был обречен. Скорее всего, он и организовывался лишь для того, чтобы, по-восточному мило улыбаясь, подставить Союзу подножку. И этот план сработал.

Генерал Сухарто совершил военный переворот и сместил тогдашнего просоветски настроенного президента Сукарно. Маоисты были разгромлены, а страны соцлагеря общим чохом, и в первую очередь Советский Союз, были объявлены виновниками «коммунистического мятежа». И на долгие годы, почти до конца девяностых, Индонезия стала вотчиной американцев. Теперь же маятник индонезийских интересов вновь качнулся в сторону России. И вновь началась скрытая от глаз непосвященных борьба за влияние, за то, кто именно будет партнером Индонезии, в том числе и в вопросах военно-политического сотрудничества. Борьба незримая, без пушечных залпов и танковых прорывов, но тем не менее ожесточенная и непримиримая...

Когда Лавров накануне отъезда уже заканчивал изучение материалов, в дверь квартиры кто-то позвонил. На пороге стоял сухоощавый, подвижный мужчина средних лет с быстрым умным взглядом.

– Здравствуйте! – улыбнулся гость. – Я от Александра Григорьевича. Сам он заедет чуть позже, завезет документы и билет на самолет. Меня зовут Герман Раскатов, я специалист по Индонезии, много там путешествовал и знаю эту страну очень хорошо. Александр Григорьевич меня прислал, чтобы я вкратце рассказал вам, что там и как, что можно и чего нельзя... Кстати, как сотрудник Рособоронэкспорта, могу дать информацию и по взаимоотношениям с конкурентами.

Лавров, у которого к этому времени накопилось немало вопросов, пригласил его на кухню, где он только что вскипятил чай.

До прихода Томилина они с Германом успели обсудить множество тем, связанных с далекой экваториальной страной. От Раскатова Андрей узнал массу полезных подробностей о жизни Индонезии и индонезийцев. Например, где лучше обменять валюту, чтобы не быть обманутым, как взять напрокат автомобиль, где лучше снять жилье, чего можно ждать от индонезийской полиции в той или иной ситуации, каковы цены на стрелковое оружие на тамошнем «черном рынке», каких инфекций следует больше всего опасаться и многое, многое другое.

В частности, от Раскатова Лавров узнал о том, что в Индонезии, несмотря на распространенность бешенства среди бродячих плотоядных, существует постоянная напряженность с антирабической вакциной. Из-за этого многим укушенным

бродячими плотоядными (а кое-кого, были случаи, кусали и больные бешенством обезьяны) приходится отправляться за спасением в Австралию или Сингапур. Как и во всякой тропической стране, в Индонезии стоило остерегаться кишечных инфекций и малярии, особенно в болотистых местах. Не говоря уже о всяких там лямблиозах-сальмонеллезах...

– ...Так что, запасайтесь хорошими репеллентами, особенно, если отправляетесь куда-нибудь, так сказать, на природу. А то вернуться оттуда с тропической малярией, я думаю, «удовольствие», как говорится, ниже среднего, – с улыбкой говорил Герман.

Ближе к вечеру появился Томилин. Вручив Андрею загранпаспорт на имя Бориса Лебедева, водительские права, транзитный авиабилет, пластиковую карточку удостоверения корреспондента газеты «Мега-Фактум» и членский билет Союза журналистов России, он лаконично поинтересовался:

– Ну, как успехи?

Узнав, что весь круг вопросов, в общем и целом, уже обсужден, Томилин удовлетворенно кивнул.

– Молодцы! Кстати, Андрей, Герман не напугал вас бытом тропической, к тому же мусульманской страны?

– Ну, что вы! – рассмеялся Лавров. – Сомали тоже и тропическая, и мусульманская страна, только куда более беспокойная. Так что еду, можно сказать, во вполне цивилизованные края.

– Да... Скорее всего, это так... – согласился Томилин. – Но только прошу не забывать, что там в некоторых отношениях может быть гораздо опаснее, чем даже в Сомали. Представьте себе! Если наши, скажем, «оппоненты» заподозрят, что вы не тот, за кого себя выдаете, то, уверяю вас, церемониться они не станут. Со списком американских агентов, их псевдонимами и фото уже ознакомились?

– Можно сказать, выучил наизусть... – пожал плечами Андрей. – На память не жалуюсь. Хотя и не Штирлиц, но кое-что умею.

– Ну и замечательно. Я, конечно, не гарантирую, что вам встретятся именно эти граждане-ЦРУшники, – сокрушенно развел руками Томилин, – но лучше что-то, чем вообще ничего. Кстати, чтобы поддерживать имидж журналиста, действительно придется писать корреспонденции для «Мега-Фактума», за которые вам будут начислять гонорар. Американцы ведь не дураки, и обязательно проверят – есть ли в газете публикации об Индонезии, подписанные спецкором Борисом Лебедевым. Кстати, как насчет литературного дарования?

– Я же служу в спецназе... – нахально улыбнулся Лавров. – Понадобится – подготовлюсь и к конкурсу скрипачей.

– Ого! – переглянувшись, громко рассмеялись Раскатов с Томилиным.

– Молодец! Чувствуется нормальный, здоровый кураж. Без этого на опасное дело лучше не идти... – продолжил раз-

говор Александр Григорьевич. – А как насчет женщин? Вы способны увлечься, потерять голову?

– Хм... – Андрей с усмешкой посмотрел на Томилина. – Вообще-то, с учетом ситуации и правил поведения, принятых в тамошних краях, и спецификой задания, женщины как объект интимных интересов могут быть задействованы, если только в этом есть практическая необходимость. А во всех остальных случаях они – просто люди, некие объекты... И только.

– Мне нравится такой подход... – одобрительно улыбнулся Томилин. – Ведь если разобраться, то во многих случаях женщины – то же самое оружие, которое пускается в ход, если нужно кого-то скомпрометировать, подцепить на крючок или каким-то образом вывести из игры. А схватка, судя по всему, будет непростая. По части поставок авиации индонезийцам мы переиграли американцев вчистую – это вы уже знаете. Они сейчас, можно сказать, озверели из-за того, что понесли многомиллиардные убытки. Уже не раз строили всякие козни – распускали в СМИ слухи о якобы низком качестве нашей техники, лезли с разными дешевыми контрактами – лишь бы отыграть назад. И все впустую. К тем десяти «Су», которые мы индонезийцам уже продали, на очереди сделка еще на шесть самолетов. Такое они нам простить не могут.

– Но тут, наверное, имеют значение не только их денежные убытки... – заметил Лавров.

– Само собой! – энергично кивнул Томилин. – Наше присутствие в Индонезии означает утрату их влияния на огромных пространствах Индийского и Тихого океанов. Ого! Тут есть с чего взбеситься! Они ведь даже своих союзников по НАТО – французов в этом вопросе не слишком жалуют. Те ведь тоже пытаются пропихнуть в Индонезию то свой «Мираж», то «Рафаэль»... Кстати, не так давно произошел большой казус. Французский банк дал Индонезии очень крупный кредит в надежде на то, что на него будут куплены именно их самолеты. А индонезийцы прикинули, что наша «Сушка» и боеспособнее, и в воздухе держится четыре-пять часов, а с дозаправкой – более десяти. Ну, и потратили французский кредит на наши самолеты. Это ж какое у людей было разочарование! Так что с французами, в случае чего, разлимониваться тоже не стоит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.